

Он опустил взгляд на Мо Сяобая. Широко раскрытые персиковые глаза злобно и кругло уставились на него, в них словно полыхал огонь. Точь-в-точь сердитый взъерошенный котёнок — от этого зрелища сердце Мо Яо на мгновение растаяло.

Каждый раз, когда Мо Сяобай так смотрел на него, его сердце невольно смягчалось, а уж теперь, когда Сяобай сверлил его столь прямым взглядом, оно и вовсе казалось превратившейся в лужицу грязной водой — раскисло донельзя.

Он был на голову выше Мо Сяобая. В этот момент Мо Сяобай вцепился обеими руками в его воротник, его щёки от злости раздулись и покраснели, а слабый румянец даже перекинулся на белую длинную шею...

Мо Яо не смел смотреть ниже. Камуфляжная форма Мо Сяобая сидела на нём свободно и мешковато, вздумай он опустить взгляд ещё ниже, то смог бы разглядеть то, что скрывалось под ней: нежную гладкую кожу, упругие грудные мышцы и едва заметные очертания...

Он поспешно оборвал свои мысли, его голос прозвучал чуть хрипло, но при этом был до того мягким, что казалось, с него вот-вот скатятся капли влаги:

— Ты как вышел? Разве у тебя не скоро тренировка?

— Хм!

Мо Сяобай отпустил его воротник и в знак протеста толкнул его, но сдвинуть с места не смог. Тогда он отвернулся, сердито опустил голову, потёр глаза и перестал обращать на Мо Яо внимание.

Заметив, что Мо Сяобай всё трет и трет глаза руками, Мо Яо невольно нахмурился, поднял руку и убрал его ладони:

— В чём дело? Песчинка в глаз попала?

Мо Сяобай стряхнул его руку и ничего не ответил.

Мо Яо вздохнул и оттащил его в защищенный от ветра угол у стены. Мо Сяобай позволил тянуть себя за руку и поплелся следом безо всякого энтузиазма.

— Сяобай, закрой глаза и не двигайся.

Мо Яо прижал его спиной к стене. Мо Сяобай послушно закрыл глаза: с самого детства он больше всего боялся, когда кто-то прикасался к его глазам. Стоило даже Мо Чэню ради шутки слегка занести руку над его лицом, как он тут же бежал жаловаться главе, требуя, чтобы тот задал Мо Чэню хорошую взбучку.

В этот момент Мо Сяобай почувствовал, как рука главы легла ему на лицо и вот-вот собиралась приподнять веко. Сработавший на уровне рефлекса испуг заставил его отпрянуть назад, и с глухим стуком его затылок врезался в кирпичную кладку позади.

— Не двигайся!

Мо Яо потёр ему затылок и мягко успокоил:

— Сяобай, расслабься, сейчас всё пройдет.

С закрытыми глазами Мо Сяобай слегка запрокинул голову, крепко вцепившись пальцами в нижний край рубашки Мо Яо. От напряжения на его ладонях выступили капельки пота.

Не обращая внимания на то, что рубашка превратилась в мятый комок, Мо Яо поднял руку, осторожно приподнял его веко, высунул влажный кончик языка и легко обвёл им по кругу, нежно подул пару раз, опустил веко и приподнял другое.

В тот самый миг, когда влажный и скользкий кончик языка коснулся века, Мо Сяобай испытал какое-то щемящее, сладковато-томительное волнение, словно весь он погрузился в совершенно иное напряжение. Это напряжение пугало его точно так же, но ладони при этом уже не потели — напротив, он затаил дыхание против собственной воли.

Оба глаза были обработаны, но они по-прежнему стояли неподвижно, окаменев в напряжении. Их головы соприкасались, звуки дыхания каждого раздавались прямо у самого уха. Мо Сяобай с головы до ног прижался к стене, крепко зажмурившись, словно в затаенном ожидании чего-то.

Оба сдерживали дыхание: одно — сдержанное и торопливое, другое — затаенное в ожидании.

Наклонившись, Мо Яо смотрел на слегка покрасневшие щеки Мо Сяобая. Из последних сил подавив рвущееся из глубины души желание, он чуть отодвинул соприкасавшиеся головы и мягко произнёс:

— Всё.

Всё.

Два медленных, подавленных слова сорвались с тонких губ, неся с собой присущий только Мо Яо запах. Они мягко коснулись лица Мо Сяобая, и тот невольно подался ближе, втягивая воздух носом, а уголки его губ чуть приподнялись.

Это был запах главы — холодный и властный, но вместе с тем наделенный его исключительной нежностью. Мо Сяобай открыл глаза и увидел перед собой то самое прекрасное лицо, о котором тосковал, о котором грезил целую неделю.

Он надул губы, окинул Мо Яо обиженным, полным слёз взглядом персиковых глаз и в знак протеста отвернулся полубоком, демонстрируя крайнюю степень обиды.

— Сяобай...

Мо Яо вытянул руку и приобнял его за плечо. Мо Сяобай позволил развернуть себя обратно, но продолжал дуть губы, изображая хрустальную булочку, и, опустив голову, упорно игнорировал его.

Видя его угловатый, упрямый вид — точь-в-точь маленький ребёнок, а личико от злости покраснелось и округлилось, до чего же мило! — Мо Яо не удержался, подался чуть вперед и тихо спросил на ухо:

— Сяобай, я принёс тебе блинчики, ты разве не видел?

Лучше бы он об этом не заикался — от одного упоминания Мо Сяобай мгновенно вспыхнул. Резко вскинув голову, он свирепо обрушился на Мо Яо с упрёками:

— Ты что, их мне принёс? Я думал, это для братица! Я для тебя настолько пустой звук? Ты до такой степени не хочешь меня видеть? Вещь, предназначенную мне, заставляешь отдавать братица! А когда уходил, даже словом не обмолвился! И раз уж пришёл сегодня, почему поленился даже заглянуть ко мне?!

А главное! Ты же прекрасно слышал, как я кричал тебе вслед, и всё равно притворился, что не слышишь! С каких это пор я стал тебе настолько в тягость?!

Чем больше Мо Сяобай говорил, тем сильнее злился. Вскинув руку, он изо всех сил оттолкнул руки Мо Яо, лежавшие у него на плечах. Не беги он так быстро, глава бы вообще ушёл! Он столько времени прождал, даже спины не увидел, а человек уже собрался уходить!

В этот момент Мо Сяобай пылал от гнева и совсем не заметил перемены в лице Мо Яо. Удар его кулака пришёлся с немалой силой — аккуратно по ране на левой руке Мо Яо. Боль была такой резкой, что тот судорожно втянул воздух, а его лицо заметно побелело.

Заметив, что его глава опустил голову и молчит, Мо Сяобай решил, что попал в самую точку и тот просто нечист на руку. Рассвирепевший юноша запрыгал на месте:

— Говори! Почему ты не захотел меня видеть? Я тебе и правда в тягость? Если я тебе настолько надоел...

— Хм! Жди у меня!

Вконец потерявший рассудок от злости Мо Сяобай подпрыгнул чуть не до небес и, резко крутанувшись на каблуках, бурей помчался обратно к казармам.

Мо Яо торопливо протянул руку, пытаясь его остановить:

— Ты куда?

— Да не нужны мне твои блинчики! Пойду заберу и верну тебе!

Мо Сяобай словно с цепи сорвался: он причитал на бегу и в то же время отчаянно отмахивался от руки Мо Яо.

— Тц!

Мо Яо снова судорожно вдохнул, его лицо стало ещё бледнее. Одной рукой он вцепился в левое плечо — боль прошибла его до холодного пота.

Увидев, в каком жалком и слабом состоянии находится его глава, Мо Сяобай на секунду замер, и только что взметнувшееся пламя гнева мгновенно погасло под каплями холодного пота Мо Яо.

В пылу ссоры он совсем забыл, что на теле Мо Яо ещё осталась рана! Бросившись вперёд и перехватив правую руку Мо Яо, которой тот зажимал повреждённый бок, Мо Сяобай дрожащим голосом спросил:

— Брат, твоя рана всё ещё не зажила?

Мо Яо слегка отступил назад и покачал головой:

— Почти зажила!

Мо Сяобай не поверил. Подавшись вперёд, он единым движением сорвал пуговицы с рубашки, распахнул воротник и полез вовнутрь, намереваясь собственными глазами убедиться в правде.

— Сяобай!

Тяжело и властно оборвал его Мо Яо, упираясь в него свободной рукой. В другое время Мо Сяобай, возможно, и послушался бы, но сегодня Мо Яо разозлил его не на шутку, в душе бушевало упрямое соперничество. Чем сильнее Мо Яо сопротивлялся, тем упорнее тот лез напролом, задействовав и руки, и ноги, и в конце концов прижал своего главу к стене.

Спина Мо Яо уже плотно прижалась к холодному твердому кирпичу, отступать было некуда, но Мо Сяобай всё продолжал рвать одежду и наступать. Его растрёпанная тёмная макушка тыкалась в подбородок старшего, голова неугомонно елозила вверх, чуть ли не зубами норовя распотрошить рубашку.

Мо Яо вздохнул, сопротивление в его руках постепенно ослагло, и он разжал объятия.

Воспользовавшись моментом, Мо Сяобай качнулся еще ближе. Широко расставив ноги, он телом прижался к Мо Яо, вынуждая того намертво зафиксировать спину у стены. Одной рукой он перехватил правое запястье Мо Яо, накрепко пригвоздив его к стене, а другой — с силой оттянул воротник одежды в сторону...

Корея цвета пшеничного загара обнажилась до самой груди. Рубашка Мо Яо сползла ниже плеч, грудь оказалась напоследок выставлена напоказ, их разгорячённые тела прижались друг к другу вплотную без единого зазора, а круглая макушка Мо Сяобая уткнулась ему в плечо.

Это зрелище оказалось донельзя двусмысленным. Е Вэй, только что вышедшая с тренировочной площадки, невольно вылупила глаза.

Мо Сяобай что, одумался? И так быстро?! Собрался завалить собственного главу?! Но ведь... это же на улице! На открытом воздухе! Ах ты извращенец Сяобай, какая же у тебя спешка! Мог бы хоть дотащить человека до казармы!

Е Вэй пришла в дикий восторг, чувствуя себя первооткрывателем новых земель. Она и представить не могла, что Мо Сяобай не просто одумался, а ещё и оказался сверху! Все эти годы она была уверена, что её названный младший брат — стопроцентная омега, которую Мо Яо проглотит и не подавится! А оказалось, что в роли прижимаемого выступает как раз Мо Яо!

Эта сцена, источающая тонны греха и запретной страсти, повергла Е Вэй в абсолютный шок. С глазами, полными воровского азарта, она сложила руки на груди и застыла в сторонке, предвкушая отличное зрелище, и ей уже совсем не хотелось тащить Мо Сяобая обратно на тренировку.

Не бойся она привлечь внимание этой парочки, Е Вэй непременно звякнула бы Ши И, чтобы та тоже пришла полюбоваться.

Тем временем Мо Сяобай с трепетом разматывал бинты на руке Мо Яо. Аккуратно касаясь воспалённых краёв раны, он сжимал брови от жалости:

— Прошла уже целая неделя, почему эта рана до сих пор не зажила? Она же гноится!

Бормоча что-то под нос, его тонкие белые пальцы безостановочно гладили кожу вокруг поврежденного места. Прильнув губами ближе, он легонько подул — прохладный, освежающий ветерок плавно пронёсся по обнажённой коже, отчего тело Мо Яо мгновенно обдало жаром.

Мо Сяобай находился слишком близко. Его тело слилось с телом старшего так тесно, что между ними не оставалось и миллиметра пустоты. Мо Яо с трудом сдерживал тяжелое прерывистое дыхание, каждым нервом своего существа улавливая исходящее от Мо Сяобая тепло. С самого того момента, как тот начал сдвигать соринку из его глаза, он то и дело

чувствовал сухость во рту. Теперь же каждая клеточка его тела рвалась наружу, охваченная трепетом. Мо Сяобай прижался всей головой к его плечу, и его длинная, гладкая и белоснежная шея оказалась прямо возле самых губ, словно искушая прикоснуться и распробовать её получше.

Мо Яо прикрыл глаза, глубоко вздохнул, резким движением оттолкнул Мо Сяобая и принялся одеваться.

Если бы он не оттолкнул его, то и впрямь не смог бы сдержаться.

Он не мог забыть ту боль, что испытал Мо Сяобай в ту ночь, как не мог забыть и тот нежный взгляд, с которым Мо Сяобай только что смотрел на ту девочку. Сяобай и без того испугался его чувств, и если бы он тогда не сдержался и поцеловал его, то, боюсь, в будущем Сяобай стал бы избегать его пуще прежнего.

Мо Сяобай, увлечённый разглядыванием раны, совершенно не ожидал подвоха. Получив от Мо Яо толчок, отбросивший его на шаг назад, он на мгновение остолбенел, а затем недоверчиво воскликнул:

— Глава, ты толкнул меня? Ты серьезно меня толкнул? Я же еще не досмотрел! Чего ты толкаешься?!

— Смотреть тут не на что, через пару дней заживёт! — холодным тоном бросил Мо Яо.

Мо Сяобай со слезами на глазах принялся мысленно обвинять Мо Яо. Ему казалось, что его глава изменился, стал холодным и отстранённым. Раньше-то он всегда во всём потакал ему и баловал, разве мог он когда-нибудь вот так его оттолкнуть?! И ведь он даже не...

Мо Сяобай начал думать, что симпатия со стороны главы, возможно, была лишь плодом его собственного воображения — ведь тот вслух никогда ничего подобного не признавал!

При этой мысли на душе у него сделалось чуточку тоскливо, он уткнулся носом в грудь и умолк.

Заметив его понурый вид, Мо Яо тихо позвал:

— Сяобай?

В этот момент в голове Мо Сяобая шла ожесточённая борьба мотивов. Он никак не мог взять в толк: разве, когда он только догадался о чувствах Мо Яо, он не надеялся, что всё это окажется лишь иллюзией? Прошло всего несколько дней, с чего бы вдруг на смену этому пришло разочарование?

Наверное, просто слишком долго не видел главу, вот и затосковал. Глава — его брат, к тому же

они столько времени тренировались вместе, так что скучать по главе — это абсолютно нормально!

Ага, абсолютно нормально!

Мо Сяобай тяжело закивал.

Видя, что тот усердно кивает, Мо Яо окликнул его ещё пару раз:

— Сяобай?

Мо Сяобай пришёл в себя:

— А? Что такое, глава?

Мо Яо некоторое время пристально смотрел на него:

— Ничего. Пора на тренировку, возвращайся давай!

— Ты уходишь? — испуганно спросил Мо Сяобай.

— Угу. Папуля дома не ночует, а второй дядя на днях собирается смотаться на Карибы, мне нужно побыстрее вернуться.

Мо Яо уже повернулся, чтобы уйти, но Мо Сяобай инстинктивно ухватил его за воротник.

Уже собравшийся сделать шаг силуэт на мгновение замер. Мо Яо обернулся, и в его голосе прозвучало чуть больше мягкости:

— Сяобай? Что-то ещё?

Мо Сяобай опустил руку, пошарил в кармане брюк и, глядя на него, запинкой произнёс:

— Есть... это, кое-что нужно тебе отдать.

Мо Яо приподнял бровь. Мо Сяобай засунул руку в карман, долго там копался, потом резко вытащил её, сжал в кулак и, словно приняв какое-то решение, резко поднял на него взгляд:

— Иди! В другой раз отдам!

— Что за вещь? — с некоторым недоумением спросил Мо Яо.

Мо Сяобай отвёл взгляд:

— Да ничего особенного, в другой раз найду и принесу!

Мо Сяобай отвёл взгляд:

— Да ничего особенного, в другой раз найду и принесу!

Мо Яо кивнул:

— Ешь побольше. Если из-за тренировок задержишься допоздна, перекуси панкейками, не мори себя голодом.

— Угу.

— Ну, я пошёл.

Мо Сяобай ничего не ответил, надул губы и пробормотал себе под нос:

— А что делать, когда панкейки кончатся?

— ...

— Я оставил тебе много, ешь потихоньку, не наедайся до отвала за раз. — Мо Яо вдруг подумалось, что Сяобай, едва вернувшись в казарму, вполне мог вскрыть и уплести за раз все эти панкейки. Мо Сяобай был ещё тем лакомкой, а Мо Чэнь за ним уследить не мог, так что вероятность этого была абсолютной.

Мо Сяобай поднял голову:

— Тогда когда ты принесёшь мне ещё?

— Как всё съешь, так и принесу.

— Угу.

— На тренировках не смей сачковать.

— Угу.

— И не спорь постоянно с мамочкой, вторая тётя тебя накажет.

— Угу.

— Если что-то случится, ищи Мо Чэня, он побудет с тобой ещё некоторое время.

— Угу.

— Ну... я пошёл?

— ...

Никто ему не ответил. Мо Яо ещё раз долгим взглядом посмотрел на своего Сяобая, а затем медленно повернулся и ушёл.

— Я быстро всё съем!

Раскинувшееся повсюду жёлтое море песка подхватило голос Мо Сяобая и донесло до слуха Мо Яо. Тот на миг замер, чуть заметно кивнул и широким шагом скрылся в песчаной буле.

Мо Сяобай застыл, безучастно глядя вслед удаляющейся фигуре Мо Яо. Е Вэй подошла к нему, проследила за направлением его взгляда и небрежно бросила:

— Жалко с главой расставаться?

— Угу.

Е Вэй приподняла брови:

— Жалко — так догони и поцелуй, вот увидишь, глава сразу вернётся!

Мо Сяобай опомнился и резко повернулся к ней:

— Мамочка! Ты что, ненормальная?!

С этими словами он в панике развернулся и побежал обратно в Тренировочный лагерь. Е Вэй провожала взглядом его суетливую спину со странной, загадочной улыбкой на лице.

Когда Мо Сяобай вернулся, все участники вовсю готовились к вечерней тренировке по скрытым убийствам. Каждый взвалил на плечи стокилограммовый груз и бежал на ускорение, а добежав до финиша, тут же сцеплялся в рукопашной с напарником, бежавшим следом. Е Вэй приказала им выложиться до последней капли сил, пригрозив, что в противном случае к тренировкам по убийствам их не допустят.

Мо Чэнь как раз боролся с кем-то на земле. Увидев возвращение Мо Сяобая, он громко окликнул его, но у Мо Сяобая в голове царил такой кавардак, что он даже не разобрал слов

брата — лишь взвалил на себя утяжелитель и пустился бечь.

Мо Чэнь быстренько разделался с противником, подбежал и нагнал его:

— Сяобай, ты видел главу?

— Угу, видел, — уныло кивнул Мо Сяобай.

Заметив его мрачный, убитый вид, Мо Чэнь с любопытством спросил:

— И чего ты тогда с таким кислым лицом? Сам не свой прямо.

Мо Сяобай ничего не ответил, лишь молча уткнулся взглядом под ноги и побежал быстрее.

Мо Чэнь скосил глаза на Мо Сяобая и, воздев очи к небу, трагически вздохнул:

— Эх, теперь, когда глава уехал, неизвестно даже, в каком году и месяце мы увидимся снова. Как же сильно я по нему скучаю!

Мо Сяобай повесил голову ещё ниже, опустив подбородок почти к самой груди. Мо Чэнь придвинулся ближе:

— Сяобай, ты ведь тоже скучаешь по главе, признайся?

Ответа не последовало. Лицо Мо Сяобая разглядеть было нельзя, можно было лишь заметить, как опущенный затылок согласно качнулся пару раз. Мо Чэнь хитро перевёл глаза и снова затянул заунывную песнь:

— Только расстались, а я уже так тоскую! Как же мне теперь жить дальше? Глава, ну почему ты ушёл? Неужели нельзя было остаться? Останься со мной, побудь рядом, пока не иссякнут все воды и не рухнут горы, скажи, разве это не прекрасно?

Пока Мо Чэнь распевал свои жалобные тирады о тоске по главе прямо как на театральных подмостках, Мо Сяобай резко поднял голову и странным взглядом уставился на него:

— Братец, у тебя крыша съехала? Тебя что, только что по голове приложили?

Мо Чэнь округлил глаза:

— Мо Сяобай, ты можешь сомневаться в чём угодно, но только не в моих боевых навыках! Теперь, когда глава уехал, кто во всём лагере сможет меня одолеть? У кого хватит на это духу?! Ха-ха, с этого момента я — истинный повелитель лагеря! Во всей округе я один на вершине!

Пока Мо Чэнь упивался собственным величием, Мо Сяобай неожиданно подсёк его ногой. Мо Чэнь не успел среагировать и с громким стуком шмякнулся носом о землю.

— Ха-ха-ха! Братец, а чего это ты повелитель, да носом в грязь?! Я же только что тебя сбил, выходит, теперь повелитель повелителей — это я!

Мо Сяобай радостно захлопал в ладоши, вовсю насмехаясь над Мо Чэнем. Стоявшие позади курсанты разом разинули рты и попадали в осадок: братья подрались, и старший брат грохнулся от подножки младшего? Все как по команде устались на хрупкую фигурку Мо Сяобая — да уж, внешность и правда бывает обманчива!

Сгорая от стыда, Мо Чэнь поднялся, отряхнулся и заорал на Мо Сяобая:

— Мо Сяобай! Не думай, что раз глава за тебя словечко замолвил, так я с тобой не расправлюсь! Если ты ещё раз такое выкинешь, я... Эх!

Мо Чэнь бессильно вздохнул. А что он мог поделать? Он же не смел и пальцем тронуть Мо Сяобая. Учитывая то, как глава носился с Мо Сяобаюшкой, стоило тому что-то сказать — и это немедленно исполнялось; вздумай он попросить звезду с неба — и ему бы непременно попытались её достать. Тот, кто посмел бы тронуть Мо Сяобая, подписал бы себе смертный приговор: даже будь обидчик родным братом, хорошей жизни ему больше не видать, не ровен час — всю оставшуюся жизнь куковать в этом Тренировочном лагере без права на выход!

Услышав упоминание имени главы, Мо Сяобай испуганно вздрогнул всем сердечком и робко поинтересовался:

— Братец, а что тебе глава вообще сказал?

— А то и сказал! — Мо Чэнь бросил на него косой взгляд. — Если у тебя с головы хоть один волос упадет, мне диплома не видать как своих ушей! Мо Сяобай, теперь ты моё драгоценное божество, моя жизнь буквально в твоих руках, так что изволь вести себя аккуратнее и не набей себе ни единой шишки!

Сердце Мо Сяобая сладко ёкнуло, щеки слегка порозовели. Он смущённо отвернулся. Мо Чэнь с любопытством моргнул: если его глаза не обманывали, Мо Сяобай только что... смутился?!

Сколько себя помнил, кожа у Мо Сяобая была толще городской стены, он отроду не ведал, что такое стыд, с чего бы ему вдруг принимать такой вид? Мо Чэнь поскрёб в затылке: а что он такого вообще сказал? То, что глава трясётся над Мо Сяобаем как над зеницей ока, и так секрет Полишинеля. Мо Сяобай и сам это прекрасно знал, чего тут смущаться-то?

Мо Чэнь решил, что он явно упустил какую-то важную деталь. Он сделал пару быстрых шагов, догнал Мо Сяобая и с видом крайнего любопытства допытывался:

— Сяобай, когда ты бегал наверх к главе, там случаем ничего такого не произошло?

Сердце Мо Сяобая забилось как птица в клетке, а перед глазами тут же встал момент, как глава прижал его к стене, водил кончиком языка по векам и дул в глаза... Мо Сяобай, словно

поражённый током, вскинул руки, закрывая лицо ладонями, а его щеки вспыхнули ещё ярче. Откашлявшись, он попытался сделать невинный вид:

— Кхе-кхе, да что там могло произойти!

<http://bllate.org/book/22270/2331512>